

Рецензируемая книга представляет собой перевод на английский язык шести главнейших памятников домонгольской древнерусской агиографии, тщательно откомментированный и снабженный обширным и весьма содержательным введением. Таким образом, речь идет об издании, рассчитанном на западного, англоязычного читателя, но при этом несомненно представляющего интерес и для отечественного исследователя древнерусской и византийской литературы и особенно такого важнейшего ее жанра, как агиография.

(Американский исследователь Пол Холлингсуорт избрал для перевода шесть произведений домонгольского периода древнерусского литературного творчества: "Чтение о житии и о погублении святуго и блаженную страсотерпцу Бориса и Глеба" преп. Нестора Летописца; "Житие Феодосия Печерского", также написанное Нестором; "Сказание и страсть и похвала святуго мученику Бориса и Глеба"; "Сказание о чудесах свв. страсотерпцев Христовых Романа и Давида"; "Житие Авраамия Смоленского" и "Память и похвала князя Владимира". В приложении помещены летописные свидетельства о событиях, легших в основу перечисленных повествований, а также проложные редакции жития Бориса и Глеба и перенесения их мощей. Во введении, помимо общего очерка литературной традиции Киевской Руси, на наш взгляд, наиболее интересной части рецензируемого издания, выделены также разделы, посвященные каждому памятнику (или же группе текстов, как в случае с повествованиями о свв. Борисе и Глебе) в отдельности и включающие в себя краткий исторический обзор, очерк рукописной традиции (в основном по данным специальной литературы) и небольшое исследование об источниках текста и возможных заимствованиях.

Круг избранных П. Холлингсуортом для перевода памятников охватывает практически все наиболее яркие и основоположные для всей древнерусской агиографии произведения. Сам перевод весьма корректен, в меру возможности современного английского языка стремится путем некоторой архаизации передать своеобразие древнерусского оригинала, в подстрочных примечаниях комментируются главнейшие исторические и бытовые реалии, упоминаемые в тексте, а также изредка дается текстологический комментарий, призванный решить проблему встречающихся в тексте подлинника "трудных мест", отнюдь не нивелируя действительной их сложности посредством компромиссного перевода. Вне всякого сомнения, сделанный столь тщательно перевод прекрасно справляется с труднейшей задачей: достойно представить англоязычному читателю агиографические сочинения Киевской Руси.

Что же касается введения, то, как уже отмечалось выше, оно может заинтересовать всякого исследователя истории и литературы. Автор его определяет значение переведенных им образцов житийной литературы, заключающееся в том, что они являются основным и важнейшим источником для изучения *формирования христианской культуры на Руси в средние века* (с. xiv). На основании непосредственной вовлеченности многих святых "героев" публикуемых житий в процесс христианизации Древней Руси автор решается характеризовать сказания об их подвигах как свидетельства о глубокой трансформации традиционного языческого мира Восточной Европы. Таким образом, автору введения жития не представляются в качестве дополнительного (и при этом отнюдь не обязательного) свидетельства о фактах общественно-политической жизни, но занимают по праву место важнейшего источника по истории древнерусской духовности.

Более того, сами памятники агиографии рассматриваются как один из факторов, способствовавших укреплению и дальнейшему распространению христианства на территориях Древнерусского государства. Следует также отметить и особое внимание, уделяемое Холлингсуортом проблеме отражения в тексте ментальности автора жития и его предполагаемой аудитории, которой адресована “весть” (*mes-sage*) агиографа (с. xv).

Совершенно справедливо во введении отмечается и факт отсутствия (для большинства публикуемых текстов) современных, выполненных с учетом последних исследований и полного круга рукописной традиции изданий (кстати, думается, этот упрек не в малой степени адресован именно российским ученым).

Критические замечания Холлингсуорта чрезвычайно интересны и полемически заострены в той части, где он касается нерешенности фундаментального вопроса о так называемом “византийском влиянии” на литературу Древней Руси вообще и на памятники домонгольского периода ее истории в частности. «Какова была природа культурных влияний на древнерусское христианство, особенно тех, что исходили из Византии? Придавая важное значение византийской, болгарской и богемской традициям в формировании литературы Руси, в какой степени мы можем говорить об “оригинальности” восточнославянских сочинений?» (с. xvi). Автор также рассуждает о стилистических особенностях древнерусской агиографии и о ее месте в системе жанров, сформировавшейся на Руси, но особенно четко акцентируется им несогласие современных исследователей в вопросе о *характере* использования на Руси элементов вышеперечисленных литературных традиций. В самом деле, это использование – “*reserption*”, “*assimilation*” или “*transplantation*” (в терминологии автора)? Все это служит предметом спора и различными учеными решается по-разному.

Отмечая необходимость перевода изучения домонгольской агиографии в

плоскость социокультурного и религиозного анализа, автор указывает на крайнюю немногочисленность образцов такого подхода, на почти полное отсутствие *нелингвистических* трудов по агиографии, а также на то, что большинство агиологических исследований (в частности фрагменты историй Русской церкви Е.Е. Голубинского и митр. Макария (Булгакова), посвященные житиям) давно устарело, а немаловажному и весьма при этом запутанному вопросу о канонизации святых посвящена вообще одна-единственная работа Голубинского, исполненная неточностей, не говоря уже о прямых ошибках (с. xvii). Касаясь русской агиологической научной литературы и справедливо критикуя подход, согласно которому из жития извлекали некую “историческую информацию”, разделяя, таким образом, целостную реальность текста на “фактическую”, и “агиографическую” части, Холлингсуорт, однако, ни разу (!) не упоминает даже имени ученого, одним из первых (в России) и наиболее последовательно изложившего именно такой подход к агиографическому материалу – В.О. Ключевского. Его книга, впрочем, включена в список обобщающих трудов, где несколько неуместно оказалась рядом с полностью компилятивной работой Ивана Кологривова (“*Essai sur la sainteté en Russie*”). В отличие от Ключевского, другой видный исследователь древнерусской агиографии, Г.П. Федотов, не только не обойден вниманием Холлингсуорта, но его труды (“Святые Древней Руси”, “*The Russian Religious Mind*”) подвергнуты справедливой критике. В противоположность Федотову, подчеркивавшему “русскость” и почти полную оригинальность как в самом подвиге свв. Бориса и Глеба, так и в его описаниях, Холлингсуорт указывает на византийские источники и образцы последних и убедительно доказывает полное жанровое соответствие памятников, посвященных Борису и Глебу главным византийским жанровым агиографическим категориям – *μαρτύριον* и *βίος*, а все риторические “топосы” и парал-

лельные места оказываются всецело принадлежащими византийской культурной сфере. Сам агиографический образ этих святых, согласно Холлингсуорту, основан на двух фундаментальных категориях христианской святости – участии в страстях Христовых и аскетическом отречении от мира (с. ххi, ххvi–Lvii).

Безусловно важным в этом контексте оказывается и подчеркивание автором введения оценочного характера многочисленных “общих мест” и т.п., со времен Ключевского считающихся подчас всего лишь балластом, ничего не дающим исследователю в его поисках “исторической информации”. Не менее интересно и подчеркивание связи святых (согласно их житиям) с их небесными покровителями, святыми византийской церкви, а также ценное замечание о том, что языком культуры средневековой Руси был “византийский” (с. ххii). Будучи “работниками одиннадцатого часа”, русские христиане стремились сделать своей древнюю традицию, принесенную на Русь Византией, и мерилom их собственной священной истории становилось максимальное соответствие ее священной истории других центров христианской ойкумены. Более того, автор подчеркивает всецелую и неоспоримую принадлежность Руси византийскому культурному пространству (к моменту крещения князя Владимира включавшему Малую Азию, Ближний Восток, Иверию и Балканы), тому “Byzantine Commonwealth”, о котором пишет Димитрий Оболенский. Постоянным образцом, по которому выстраивается все, – от личного христианского подвига до храмов – становится, помимо “столицы мира”, Константинополя, Святая Земля, и это присутствие – открытое или завуалированное – Палестины в религиозной жизни Киевской Руси вообще и в агиографии в частно-

сти со всею силою акцентируется Холлингсуортом, и в этом также надлежит видеть сильную сторону его работы. “Миметический аспект” культуры Руси, в котором выразилась тяга русских агиографов путем обнаружения “византийских” черт “дома” достигнуть осознания принадлежности русского христианства вселенскому плану Божественного спасения, попытка воссоздать “центр” на “периферии” и тем сделать ее центром – все это отмечено Холлингсуортом и обосновано при помощи текстов.

Нельзя не отметить, однако, почти полностью (если не считать примеч. на с. 54 – об Уставе феодосиевой киновии) выпавшую из довольно детального рассмотрения культурно-исторического фона тему Афона и афонских влияний, в то время как учитель преп. Феодосия, преп. Антоний Печерский, к сожалению, не имеющий современного ему жития, был постриженником Святой Горы, и, таким образом, афонско-киевские параллели в исследовании древнерусской агиографии возможны ничуть не меньше, чем палестино-киевские.

Впрочем, в целом фундаментальный труд П. Холлингсуорта производит весьма благоприятное впечатление как в части переведенных им текстов, так и в части их исследования и комментирования. Можно смело констатировать тот факт, что с выходом книги “Агиография Киевской Руси” англоязычный читатель не только получил прекрасный перевод интереснейших памятников житийной литературы домонгольского периода, но и смог ознакомиться с научно строгим, но одновременно творческим и достаточно смелым взглядом и на эту литературу, и на духовную традицию, ее породившую.

О.А. Родионов